

*Как всё бесцветно, всё безвкусно,
Мертво внутри, смешно извне,
Как мне невыразимо грустно,
Как тошнотворно скучно мне...*

*Зевая сам от этой темы,
Её меняю на ходу.*

*– Смотри, как пышны хризантемы
В сожжённом осенью саду –
Как будто лермонтовский Демон
Грустит в оранжевом аду,
Как будто вспоминает Врубель
Обрывки творческого сна
И царственно идёт на убыль
Лиловой музыки волна*

** * **

*Мне весна ничего не сказала –
Не могла. Может быть – не нашлась.
Только в мутном пролёте вокзала
Мимолётная люстра зажглась.*

*Только кто-то кому-то с перрона
Поклонился в ночной синеве,
Только слабо блеснула корона
На несчастной моей голове.*

*Мы не молоды. Но и не стары.
Мы не мёртвые. И не живые.
Вот мы слушаем рокот гитары
И романса «слова роковые».*

*О беспамятном счастьее цыганском,
Об угарной любви и разлуке,
И – как вызов – бокалы с шампанским
Поднимают дрожящие руки.*

*За бессмыслицу! За неудачи!
За потерю всего дорого!
И за то, что могло быть иначе,
И за то – что не надо другого!*

Эти стихи принадлежат перу Георгия Иванова, русскому поэту-эмигранту, яркому представителю Серебряного века. 26 августа этого года исполнится 60 лет с того момента, как в 1958 году на юге Франции в доме для престарелых скончался Георгий Владимирович Иванов. Он родился 11 ноября (29 октября) 1894 года Ковенской¹ губернии в небогатой дворянской семье. Детство провёл в имении Студёнки, в Ковенской губернии, на границе с Польшей. Начальное образование получил на дому, а затем поступил в кадетский корпус в Санкт-Петербурге, из которого вышел в 1912 году. Здесь он и начал писать стихи.

Впервые стихи Иванова появились в литературных журналах («Аполлон», «Современник» и др.) в 1910 году.

Осенью 1911 года создаётся акмеистический «Цех поэтов», в который, в начале следующего года, вступает Г. Иванов. В 1912 выходит первая книга стихов – «Отплытие на остров Цитеру», затем появляются сборники: «Граница» (1914), «Памятник славы» (1915), «Вереск» (1916), «Сады» (1921), «Лампада» (1922). В ранних стихах присутствуют мотивы усталости, разочарования и др. Осенью 1922 года Г. Иванов вместе со своей женой, поэтессой И. Одоевцевой, отправляется по командировке в Берлин. В 1923 году супруги переезжают жить в Париж. В 1927 участвует в обществе «Зелёная лампа», являясь его бессменным председателем. Печатается в различных изданиях («Новый дом», «Числа», «Круг» и др.), став к тому времени одним из крупнейших поэтов русской эмиграции. В 1930 публикуется сборник стихов «Розы».

¹ Ковно – устаревшее название г. Каунас. (Прим. авт.)

В годы эмиграции Георгий Иванов выступает и как прозаик: мемуары «Петербургские зимы» (1928, Париж), «Третий Рим» (1929, незаконченный роман). В 1938 году в Париже выходит лирическая проза «Распад атома».

В 1949–1950 гг. опубликована серия критических статей. С 1943 по 1946 гг. живет в Биаррице, находясь в крайней нужде, почти в нищете.

Умер Г. Иванов в 1958 году в доме для престарелых в Иер-лэ-Пальме на юге Франции, позже его прах был перезахоронен в Париже на кладбище Сен-Женевьев де Буа.

Вот основные вехи биографии и творческого пути Георгия Иванова, которые не дают ни малейшего представления ни о масштабе его личности, ни о его человеческих качествах. Ведь Иванов – это легенда русского зарубежья, и, если судить по отзывам, то личность чрезвычайно противоречивая. Одни называют его ничтожным снобом и эпигоном, что он пишет лживые мемуары, и место его на свалке. Другие возносят его на пьедестал, его мемуары считают достоверными на редкость, а что касается поэзии, то утверждают, что, только прочитав его стихотворения, понимаешь ограниченность таланта Ходасевича и даже Александра Блока!

Так кто же такой Георгий Иванов, считавший, что дело поэта создать кусочек вечности ценой гибели всего временного, даже ценой собственной гибели.

Много страниц посвятила Георгию Иванову его жена – Ирина Густавовна Одоевцева – в мемуарах «На берегу Сены».

«Если бы меня спросили, кого из встреченных в моей жизни

Ирина Одоевцева

людей, я считаю самым замечательным, мне было бы трудно ответить – слишком их много было. Но я твёрдо знаю, что Георгий Иванов был одним из самых замечательных из них. В нём было что-то особенное, не поддающееся определению, почти таинственное, что-то, не нахожу другого определения, от четвёртого измерения. Мне он часто казался не только странным, но даже загадочным, и я, несмотря на нашу душевную и умственную близость, становилась в тупик, не в состоянии понять его, до того он был сложен и многогранен. В нём уживались самые про-

тивоположные, взаимоуничтожающие достоинства и недостатки. Он был очень добр, но часто мог производить впечатление злого и даже ядовитого из-за насмешливого отношения к окружающим и своего “убийственного остроумия”, как говорили в Петербурге. Гумилёв советовал мне, когда я ещё только мечтала о поэтической карьере: “Постарайтесь понравиться Георгию Иванову. Он губит репутацию одним своим метким замечанием, пристающим раз и навсегда, как ярлык”».

Несмотря на свою нелюбовь писать биографии, Одоевцева, тем не менее, пишет его биографию для того, чтобы можно было понять их жизнь, которая, по её словам, «мало походила на то, что принято называть супружеской жизнью. Мне казалось, что мы живём на пороге в иной мир, в который Георгий Иванов иногда приоткрывает дверь». Семейная жизнь их продолжалась 37 лет с 1921 года, по 1958, год смерти Георгия Иванова.

Отец Иванова – военный – родом из полоцких дворян, мать – баронесса Вера Бир-Брау-Браурер фон Берштейн – происходила из древнего голландского рода. Неожиданное завещание сестры отца Георгия Иванова сделало семью весьма богатой, что позволило его матери блистать в свете, а Юрочке провести счастливое детство с боготворящим его отцом, который подарил ему даже остров на самом большом пруду в имении Студёнки с выстроенной для него крепостью. Он рос впечатлительным ребёнком, у которого рано развились художественные вкусы. После разразившегося несчастья, когда полностью сгорела их усадьба, семья переехала в Петербург, где отец пытался спасти оставшиеся крохи своего состояния. Однако несчастья преследовали его. В итоге отец Георгия Иванова симулировал несчастный случай, выбросившись из поезда, предварительно застраховавшись на крупную сумму денег, чтобы, по возможности, обеспечить свою семью. Эту тайну Георгий Иванов хранил много лет, рассказав о ней Одоевцевой после нескольких лет совместной жизни уже за границей. Мальчик настолько переживал смерть отца, что решил уйти к нему на небо: просидев всю ночь раздетым перед открытым окном, заболел тяжелейшим воспалением лёгких. После нескольких дней беспмятства он пришёл в себя, однако у него осталось впечатление, что он новый Юра, а тот умер. «Знаешь, – говорил Георгий Иванов (Одоевцевой – Т. Л.), – я уверен, что, если бы у меня не было воспаления лёгких, я бы не перенёс смерть отца. Я бы зачах от горя, от тоски по нём». Но он выжил, его вскоре отдали в кадетский корпус, где он стал – по её же словам – обыкновенным кадетом.

Георгий Иванов пережил несколько сильных увлечений. Он так хорошо рисовал в младших классах, что учитель рисования пророчил ему карьеру художника. Вслед за этим началось увлечение химией, которые чуть не окончились бедой. Он решил приготовить царскую водку во время каникул в спальне у сестры, но при нагреве жидкостей произошёл сильный взрыв, при котором разбилось зеркало и сгорел купленный сестрой дорогой ковёр. Но сестра его даже не ругала, обрадовавшись тому, что мальчик не пострадал. Правда, после этого она поговорила с учителем химии, и ключ от химического кабинета был у Георгия отобран.

А третье увлечение – поэзией он пронес через всю жизнь, войдя в историю русской, вернее всемирной литературы именно поэтом Георгием Ивановым. Небезынтересно отметить, что он хорошо писал сочинения в корпусе, но совершенно не мог запоминать стихи наизусть. Однажды ему было задано выучить стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Но он никак не мог сосредоточиться, несколько раз прочитал его, затыкая уши, потом отбросил том. «Ночью, чего с ним никогда не случалось, он проснулся в каком-то необычайном волнении. Ему казалось, что кто-то над ухом произнес:

«В небесах торжественно и чудно // Спит земля в сиянье голубом..». И ему показалось, что потолок раздвинулся, и он действительно увидел землю в голубом сиянии луны. С этой ночи началось его увлечение поэзией. И он начал сам сочинять стихи, в том числе и для «Кадетского журнала».

Когда же вышел первый его поэтический сборник «Отплытие на остров Цитеру», он был без баллотровки принят в Цех поэтов. Георгий Иванов получил приглашение посетить «Бродячую собаку», где должна была состояться его встреча с Гумилёвым. Он долго ждал, однако Гумилёв не приходил. Когда же он решил уйти, «дверь растворилась перед вступившими в "Собаку" Гумилёвым и Ахматовой», которая была в голубом платье, но без ложно-классической шали, воспетой столькими поэтами. О, женщины! Ирина Одоевцева не может удержаться от замечания, что ложно-классическая шаль – это всего лишь большой бабий платок, набивной чёрный в красные розы, купленный Гумилёвым за три рубля в кустарном магазине.

Но верёмся к историческому знакомству. Дрожащий от страха и смущения Иванов и Гумилёв, уставившийся на него «своим косящим взглядом», который «...вдруг рассмеялся и свистнул: – Я знал, что вы молоды, но всё же не до того!

Георгий Иванов совсем растерялся. Но тут Ахматова протянула ему с улыбкой, как спасательный круг, свою узкую руку.

– Не робейте, не смущайтесь. Это так быстро проходит. И как это грустно. Ведь юность лучшее время жизни. Потом, знаю по опыту, жалеть будет. А сейчас садитесь рядом со мной и не смущайтесь».

Гумилёв позже предостерег Георгия Иванова от блестящего по тем временам предложения Алексея Суворина печататься в его «Новом времени» с окладом шесть тысяч в год и построчным гонораром: «С ума ты спятил, Жоржик. Беги скорей откажись. Ведь ты навсегда опозоришь себя – нигде тебя ни печатать, ни принимать не будут. Крышка!»». Вот так Георгий Иванов и не стал «нововременским молодцом», чем-то вроде прокажённого.

Позже в воспоминаниях о Сергее Есенине Георгий Иванов напишет, как Есенин в 1916 году был принят и обласкан императрицей, высочайше соизволившей Есенину посвятить ей сборник стихов «Голубень», что молодой поэт и сделал. В «Петербургских зимах» Георгий Иванов напишет: «Книга Есенина “Голубень” вышла уже после Февральской революции. Посвящение государыне Есенин успел снять. Некоторые букинисты в Петербурге и Москве сумели, однако, раздобыть несколько корректурных оттисков “Голубня” с роковым “Благоговейно посвящаю...” В магазине Соловьёва такой экземпляр с пометкой “чрезвычайно курьёзно” значился в каталоге редких книг. ... Не произойди революции, двери большинства издательств России, притом самых богатых и влиятельных, были бы для Есенина навсегда закрыты. Таких преступлений как “монархические чувства” русская либеральная общественность не прощала». Эту цитату я привожу не только для того, чтобы задумались наши монархически настроенные литераторы, а для характеристики обстановки и настроений интеллигенции в предреволюционные годы.

Но вернёмся к личной жизни Георгия Иванова, который в этот период женился на милой француженке, с которой он познакомился у Георгия Адамовича. Брак, безумие которого Иванов вскоре понял, был недолгим, и Габриель с маленькой дочерью вместе со своим отцом уехала во Францию.

Незадолго до трагической смерти Гумилёва он восстановил «Цех поэтов», добавив в название слово Второй. Этот Второй цех поэтов после расстрела Гумилёва и возглавил Георгий Иванов.

Говоря о совместной жизни с Ивановым, Ирина Одоевцева приводит два его эпитета от «баловня судьбы» до «поэта-тау-

dit» – проклятого поэта, как называли Иванова в последние годы его эмигрантской жизни, начиная с сорок восьмого года. В «Воспоминаниях» она напишет: «...все удары, сыпавшиеся на нас постоянно, падали на меня, а не на него. И всю жизнь он жил, никогда и нигде не работая, а писал только, когда хотел. Впрочем, хотелось ему это довольно редко, хотя и в “Современных записках” и в “Последних новостях” и в “Днях” он был желанный гость. Он считал, что журналистская работа вредит поэту, а он, прежде всего, считал себя поэтом. К тому же, он был безгранично ленив, а проза, не в пример стихам, давалась ему с трудом, даже когда он был всецело увлечён своей темой.»

Ирина Одоевцева пишет о том, что они жили вполне безбедно на пенсию, выплачиваемую её отцом, владевшим в Риге доходным домом, а после его смерти в 1932 году – даже богато на полученное от него наследство. Во время войны они жили в Биаррице, устраивая приёмы, в том числе и для иностранных офицеров. Газета со светской хроникой, где чета Ивановых была сфотографирована с английскими офицерами, попала в Париж, где Адамович решил, что Ивановы принимают немецкий генералитет, после чего вся эмиграция отвернулась от них, включая (это показательно!) и друга их семьи – Керенского. Несчастья посыпались на них, Латвия была присоединена к России, немцы реквизировали их дом под Биаррицем, потом его разбомбили, а у Одоевцевой украли купленное на чёрный день золото. Началась эра «позолоченной бедности».

В 1945 году в дни Победы они съездили в Париж, где весело провели время. Этому дню Иванов посвятил своё стихотворение:

На взятие Берлина русскими

Бессмертной музыки хвала –

Россия русскими руками

Себя спасла и мир спасла.

Сияет солнце, вьётся знамя,

И те же вещи слова:

«Ребята, не Москва ль за нами?»

Нет, много больше, чем Москва! (Май 1945)

Однако не стоит обольщаться. Георгий Иванов по своим политическим взглядам был ярким противником советской власти.

Нина Берберова прямо указывала, что Иванов оставался коллоборационистом. В прекрасных мемуарах «Курсив мой» она написала: «После войны он был как-то неофициально и незаметно осуждён за своё германофильство. Но он был не германофилом,

а потерявшим всякое моральное чувство человеком, на всех углах кричавшим о том, что он “предпочитает быть полицмейстером взятого немцами Смоленска, чем в Смоленске редактировать литературный журнал”. Теперь в своей предпоследней стадии он производил впечатление почти безумца. Последняя стадия его наступила через несколько лет в приюте для стариков, в Иерее, или как ещё называют эти места – в старческом доме, а по старому сказать – в богадельне.» И далее: «В его присутствии многим делалось не по себе, когда, изгибаясь в талии – котелок, перчатки, палка, платочек в боковом кармане, монокль, узкий галстучек, лёгкий запах аптеки, пробор до затылка, изгибаясь, едва касаясь губами женских рук, он появлялся, тягуче произносил слова, шепелявя теперь уже от отсутствия зубов. Таким – без возраста, без пола, без третьего измерения (но с кое каким четвёртым) – приходил он на те редкие литературные или поэтические» собрания, какие ещё бывали. Помню, однажды за длинным столом у кого-то в квартире я сидела между ним и Ладинским. Иванов, глядя перед собой и моргая, повторял одну и ту же фразу, стуча ложкой по столу:

– Ненавижу жидов.

Я вынула карандаш из сумки и на бумажной салфетке нацарапала: прекратите, рядом с вами – Гингер.

Он взял мою записку, передал Гингеру и сказал:

– Она думает, что ты можешь на меня рассердиться. Как будто ты не знаешь, что я не люблю жидов. Ну, разве ты можешь на меня обидеться?»

Все воспоминания, естественно, субъективны. И там, где Нина Николаевна Берберова пишет о богадельне в Иерее, Ирина Одоевцева совсем иначе воспринимает этот старческий дом. «Мы начали хлопотать о старческом доме, где не совсем подходили по возрасту. Нам пришлось пойти на общий осмотр. Георгий Иванов тянул меня назад: всё равно не примут. Но мы прошли. Это был очаровательный городок. Наш дом был окружён пышным садом с розами и соловьями. Мы могли, наконец, вздохнуть спокойно. Но от всего пережитого у Георгия Иванова поднялось давление, хотя сердце было здоровым. Мы хотели переехать под Париж, но из Ганьи, несмотря

Нина Берберова

на врачебное свидетельство, нам ответили, что Георгий Иванов просто скучает по прежнему окружению, они не могут нас принять. Никто нас не поддержал и не помог ему, чего он никак не мог пережить. Давление всё повышалось, стало сдавливать сердце... Через три года он умер на больничной койке, чего всегда боялся...»

Берберова же в своих воспоминаниях приводит два письма Георгия Иванова к ней перед её отъездом в Америку. В первом Иванов сожалеет о том, что их знакомство было цепью недоразумений, не по её вине. Берберова была женой Владислава Ходасевича, с которым у Георгия Иванова был серьёзный конфликт, после чего Ходасевич даже перестал писать стихи. Но к моменту написания данного письма Берберова с Ходасевичем уже рассталась. «Чего там ломаться, – пишет Иванов, – Вы, любя мои стихи (что мне очень дорого) считали меня большой сволочью. Как всё в жизни – Вы правы и неправы. Дело в том, что “про себя” я не совсем то, да же совсем не то, каким “реализуюсь в своих поступках”. Но это уже Достоевщина. До свидания. Не поминайте лихом».

Во втором и последнем письме Берберовой он напишет: «Как ни странно, мне очень не хочется, несмотря на усталость и скуку моего существования играть в ящик по, представьте наивно-литературным соображениям, вернее инстинкту. Я, когда здоровье и время позволяют, пишу уже больше года некую книгу. “Свожу счёты, только не так, как естественно ждать от меня, как я со стороны естественно и законно рисуюсь. Словом, не как Белый в его блистательном предсмертном пасквиле. Я “свожу счёты” с людьми и с собой без блеска и без злобы, без даже наблюдательности, яркости и т.д. Я пишу, вернее записываю “по памяти” своё подлинное к людям и событиям, которое всегда “на дне” было совсем иным, чем на поверхности, отношение». Эта книга так и не была написана.

Последняя стадия его началась в старческом доме в Иерее, где он умер. Снова цитирую Берберову. «Руки и ноги Иванова были сплошь исколоты иглой, по одеялу и подушке бегали тараканы, комната неделями не убиралась (не по вине администрации), от вида посторонних с больным делались приступы то бешенства, то депрессии. Впрочем, депрессия его почти не оставляла, она была с ним все последние годы, не только месяцы – свидетельством тому его стихи этого последнего периода. Когда ему говорили, что надо умыться, что комнату надо прибрать, сменить бельё, он только повторял, что “не боится никакой грязи”. Он, видимо, приписывал этой фразе не только моральный смысл, который я в своё время в

ней угадала, но и физический. Смерти он всегда боялся до ужаса, до отчаяния».

И Берберова заканчивает воспоминания холодно и жёстко: «Она (смерть) оказалась для него спасением, **пришедшим слишком поздно**». В последние годы Георгий Иванов пишет трагические стихи. В 1953 году в стихотворении «Стансы» он выплёскивает всю свою желчь и ненависть к скончавшемуся Сталину.

*...И вот лежит на пыльном пьедестале,
Меж красных звёзд, в сияющем гробу,
“Великий из великих” – Оська Сталин,
Всех цезарей превозойдя судьбу.*

*А перед ним в почётном карауле
Стоят народа меньшие “отцы”,
Те, что страну в бараний рог согнули, –
Ещё вожди, но тоже мертвецы.*

*Какие отвратительные рожи,
Кривые рты, нескладные тела:
Вот Молотов. Вот Берия, похожий
На вурдалака, ждущего кола...*

*В безмолвии у сталинского праха
Они дрожат. Они дрожат от страха,
Угрюмо пряча некрещённый лоб, –
И перед ними высится, как плаха,
Проклятого “вождя” – проклятый гроб.*

Что можно сказать? Это стихи мести поэта и русского человека, эмигранта, потерявшего не только родину, но и национальность. За несколько лет до него он напишет пронзительно трагическое стихотворение о погибшей России.

*Овеянный тускнеющей славой,
В кольце святош, кретинов и пройдох,
Не изнемог в бою Орёл Двуглавый,
А жутко, унижительно издох.*

*Один сказал с усмешкою: «дождался!»
Другой заплакал: «Господи, прости...»
А чучела никто не догадался
В изгнанье, как в могилу, унести. (...) (1944)*

Изгнанье, ностальгические воспоминания о России, о Петербурге:

*Как осуждённые, потерянные души
Припоминают мир среди холодной тьмы,
Блаженной каждый день и с каждым часом глуше
Наш чудный Петербург припоминаем мы. (...)*

Или:

*(...) Но с каждым днём сильнее душа томится
Об острове зелёном Валааме,
О церкви из олонецкого камня,
О ветре, соснах и волне морской.*

В эмигрантской среде не утихают споры о том, кто виноват в судьбе родины и в их горьких судьбах.

*И сорок лет спустя мы спорим,
Кто виноват и почему.
Так в страшный час над Чёрным морем
Россия рухнула во тьму. (...)
И начался героев – нищих
Голгофский путь и торжество,
Непримиримость всё простивших,
Не позабывших ничего.*

«Непримиримость всё простивших» – это о расколе русской эмиграции во время нападения Гитлера на Советский Союз, а вот «непозабывших ничего» – это Георгий Иванов, несомненно, пишет о себе. Пока ещё он ничего не забыл. В « (...) распроклятой судьбе эмигранта» страх и ностальгические мотивы сменяются темой прозрения и последующей усталости.

*Я жил как будто бы в тумане,
Я жил как будто бы во сне,
В мечтах, в трансцендентальном плане,
И вот пришлось проснуться мне.
Проснуться, чтоб увидеть ужас,
Чудовищность моей судьбы. (...)*

Страх покидает лирического героя – читай самого поэта – и сменяется беспредельной и безнадежной усталостью.

*Теперь тебя не уничтожат,
Как тот безумный вождь мечтал.
Судьба поможет, Бог поможет,
Но русский человек устал...*

*Устал страдать, устал гордиться,
Валя куда-то напролом. (...)
...И ничему не возродиться
Ни под серпом, ни под орлом.*

Надежда покидает поэта, по-видимому, навсегда, унося с собой и родину, и ностальгическую тоску о ней с надеждой обрести покой в забвении.

*Мне больше не страшно. Мне томно.
Я медленно в пропасть лечу.
И вашей России не помню
И помнить её не хочу.
И не отзываются дрожью
Банальной и сладкой тоски
Поля с колосящейся рожью,
Берёзки, дымки, огоньки...*

И снова возрождается тема могилы – символа погибшей родины.

*Нет в России даже дорогих могил,
Может быть, и были – только я забыл.
Нету Петербурга, Киева, Москвы –
Может быть, и были, да забыл, увы!*

Полная амнезия? Нет, память осталась о своей нации, о русском человеке. Продолжаю цитату:

*(...) Знаю – там остался русский человек.
Русский он по сердцу, русский по уму.
Если с ним я встречусь, я его пойму.
Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане и его страну.*

Русский поэт – «коллорабационист» – Георгий Иванов, лишённый волей судеб своей родины, и по уму, и по сердцу остаётся русским человеком и в чужой стране, в эмиграции. И остаётся ему только одно – отчаяние!

*За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть отчего придти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.*

– В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни к церковке соседней
По снегу русскому домой.

«Русский снег» и снова воспоминания о родине:

*Я вспомнил о тебе, моя могила,
Отчизна отдалённая моя,
Где рокот волн, где ива осенила
Глухую тень скалистого ручья.*

*Закат над рощею. Проходит стадо
Сквозь лёгкую тумана пелену...
Мой милый друг, мне ничего не надо,
Вот я добрёл сюда и отдохну.*

*Старинный друг! Кто плачет, кто мечтает,
А я стою у этого ручья
И вижу, как горит и отцветает
Закатным облаком любовь моя... (1943)*

Догорает любовь... К кому? К родине? К Ирине Одоевцевой? Думаю, что к обеим. А вот в беспросветной эмигрантской жизни ещё остаются некоторые «развлечения»:

*Конечно, есть и развлечения:
Страх бедности, любви мученья,
Искусства сладкий леденец,
Самоубийство, наконец.*

За исключением «сладкого леденца» искусства, прямо скажем, – те ещё развлечения! К счастью для русской культуры Георгий Иванов не покончил жизнь самоубийством. И вспомнив слова Нины Берберовой о том, что смерть пришла к нему слишком поздно, уверена в том, что она, конечно, не права. Эмиграция сделала Георгия Иванова **великим русским поэтом**, и именно в последние годы жизни им написаны самые сильные, самые трагические стихотворения, которые проникают в душу и сердце читателя и остаются там навсегда. Некоторые из них я цитировала, а вот ещё:

*(...) Встают – встаю. Садятся – сяду.
Стозначный помню номер свой.
Лояльно благодарен Аду
За звёздный кров над головой. (1944)*

Было всё – и тюрьма, и сума,
 В обладании полном ума,
 В обладании полном таланта,
 С распроклятой судьбой эмигранта
 Умираю... (1956)

* * *

Всё неизменно, и всё изменилось
 В утреннем холоде странной свободы.
 Долгие годы мне многое снилось,
 Вот я проснулся – и где эти годы!

Вот я иду по осеннему полю,
 Всё как всегда, и другое, чем прежде:
 Точно меня отпустили на волю
 И отказали в последней надежде. (1948)

* * *

Обледенелые миры
 Пронизывает боль тупая...
 Известны правила игры.
 Живи, от них не отступая:
 Направо – тьма, налево – свет,
 Над ними время и пространство.
 Расчисленное постоянство...
 А дальше?
 Музыка и бред.
 Дохнула бездна голубая,
 Меж тем и этим – рвётся связь,
 И обреченный, погибая,
 Летит, орбиту огибая,
 В метафизическую грязь. (1956)

Ирина Одоевцева в предисловии к своим мемуарам обращается к читателям с просьбой любить тех, о ком она пишет. «Ведь всем поэтам больше всего нужна любовь. Петрарка писал: “Я не хочу, чтобы меня через триста лет читали. Я хочу, чтобы меня любили”. Нет другой страны, где так любят и ценят писателей, как в России. Здесь считают, что поэты мыслят стихами. И если вы, мои

читатели, исполните мою просьбу и полюбите тех, о ком я сейчас пишу, вы обязательно подарите им временное бессмертие, а мне сознание, что я не напрасно жила на этом свете».

«Метафизическая грязь» поэзии Георгия Иванова не грозит, о чём бы он ни писал: о русском воинстве, о России, о любви, об эмиграции, о ностальгии, о любви и смерти... . Они грустные, драматические, порой трагические, но как писал он сам: «Мы знаем, что всё значительное в лирической поэзии пронизано лучами вековой грусти, грусти-тревоги или грусти-покоя – всё равно. “Весёленьких” великих лирических произведений не бывало. Лучшие из них талантливы, милы, лучшие – плоды остроумия, находчивости, беллетристической изобретательности. И разве может быть иначе, если самое имя этой божественной грусти – лиризм». Да он с первой и до последней строчки остался лирическим поэтом.

Особая тема его лирики «в хождении по мукам» – надежда. Она то покидает его, то ему в отказывают в *последней* надежде, то она возвращается вновь.

*Хожденье по мукам, что видел во сне –
С изгнаньем, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию стихами.*

Георгий Иванов оказался пророком: его воскрешение состоялось. Стихи великого русского поэта (это мой любимый поэт Серебряного века) вернулись в Россию и заняли достойное место в великой русской культуре, невзирая на его политические взгляды.

Санкт-Петербург 2013–2018 гг.